

DOI: 10.31857/S086919080009176-0

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ СБОРНИК КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: РАЗДУМЬЯ ИСТОРИОГРАФОВ¹

© 2020

Л.В. КУРАС^a, Б.В. БАЗАРОВ^b^{a, b} – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия^a – ORCID ID: 0000-0003-4507-249X; kuraslv@yandex.ru^b – ORCID ID: 0000-0001-5326-1317; bazarov62@mail.ru

Резюме: С середины 80-х гг. XX в. «мягкая сила» стала важнейшим инструментом внешней политики и международных отношений ведущих держав. Этот механизм активно использовал и СССР, причем наиболее полно – в отношениях с Монголией.

Сегодня в России лидирующие позиции в реализации механизма «мягкой силы» в отношении Монголии принадлежат исторической науке, и в частности, сборнику документов «Монголия в документах. Из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)»², который охватывает 1922–1936 гг. – наиболее сложный период на пути национально-государственного строительства нового общества, минуя капитализм, преодоления сопротивления привилегированных классов Монголии, модернизации кочевой цивилизации, при опоре на всестороннюю помощь СССР и Коминтерна.

Что касается основных направлений документального свидетельства эпохи, то это документы по таким направлениям, как межгосударственные отношения между СССР и МНР, особенности внутренней и внешней политики монгольского государства, борьба между «правыми» и «левыми» в Монгольской народно-революционной партии, борьба спецслужб СССР и МНР с ламаизмом и бандформированиями, подавление вооруженных восстаний, противодействие деятельности спецслужб Китая Японии и США, направленным на подрыв влияния СССР, и, наконец, деятельность полномочных представителей, советников и инструкторов НКВД СССР и Коминтерна в Монголии. При этом, в соответствии с историографической традицией, осуществляется сравнительно-исторический анализ событий государственного строительства в СССР и МНР, указываются ошибки, характерные для советского руководства при оказании всесторонней помощи Монгольской республике, дается оценка деятельности отдельных персоналий, оставивших заметный вклад в деле национально-государственного строительства в Монголии.

Ключевые слова: Россия, Монголия, «мягкая сила», историческая наука: источниковедение и археография.

Для цитирования: Курас Л.В., Базаров Б.В. Документальный сборник как инструмент «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях: раздумья историографов. *Восток (Orient)*. 2020. № 4. С. 94–101. DOI: 10.31857/S086919080009176-0

DOCUMENTARY COLLECTION AS AN INSTRUMENT OF “SOFT POWER” IN RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONSHIPS. THOUGHTS OF HISTORIOGRAPHERS

© 2020

Leonid V. KURAS^a, Boris V. BAZAROV^b^{a, b} – Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russia^a – ORCID ID: 0000-0003-4507-249X; kuraslv@yandex.ru^b – ORCID ID: 0000-0001-5326-1317; bazarov62@mail.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ – МинОНК (Монголия) ««Мягкая сила» в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ». Проект № 19-514-44001.

² См.: [Монголия в документах..., 2019].

Abstract: *Since the mid of 1980s, “soft power” has become the most important instrument of foreign policy and international relationships of leading countries. This mechanism has actively been used by the USSR, and most fully in relationships with Mongolia.*

Recently in Russia, historical science has been taking a leading role in the realization of “soft power” towards to Mongolia. In particular this book covers 1922–1936s – the most difficult period in the national-state building of new society without capitalism, overcoming the strength shown by Mongolian privileged class, modernization of nomadic civilization, and based on comprehensive assistance by the USSR and the Comintern.

As for the main directions of documentary evidence of that period there are documents in such directions as bilateral relationships between the USSR and the MPR; features of national and foreign policies in Mongolia during the period under consideration; struggle between the “right” and “left” in the Mongolian People’s Party; struggle of security services of the USSR and the MNP against Lamaism and bandit formations, as well as the suppression of uprisings; countering the activities of the security services of China, Japan and the USA aimed at erosion of the Soviet influence; activities of plenipotentiaries, counselors and instructors of the People’s Commissariat for Foreign affairs and the Comintern in Mongolia. The article presents a comparative historic analysis of the state-building in the USSR and the MNP, mistakes typical for the Soviet leadership in providing comprehensive assistance to Mongolia, the assessment given to activities of certain people which contributed to the nation-state building in Mongolia.

Key words: Russia, Mongolia, “soft power”, historical science: source study and archaeography.

For citation: Kuras L.V., Bazarov B.V. Documentary Collection as an Instrument of “Soft Power” in Russian-Mongolian Relationships. Thoughts of Historiographers. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 4. Pp. 94–101. DOI: 10.31857/S086919080009176-0

В последнее десятилетие понятие «мягкая сила» (“soft power”) стало важнейшей составляющей современных международных отношений. В современном мировом сообществе существуют рейтинги фактора «мягкой силы» в ведущих странах мира, которые рассчитываются по таким параметрам, как «культура», «политические ценности», «дипломатия», «образование», «бизнес/инновации», что находит отражение в современной российской историографии [Горлова, Бычкова, 2015; Гасилин, 2019], в том числе и на диссертационном уровне [Филимонов, 2013; Соломатин, 2014; Агеева, 2016]. Конечно, в этих рейтингах позиции России более чем скромные, что обусловлено системным кризисом 1990-х годов и тотальным отказом российских властей в начале 2000-х гг. от этой стратегии, полагая её пережитком коммунистического прошлого. Более того, к началу 2000-х гг. Россия практически лишилась всего потенциала «мягкой силы» не только в мире, но даже в зоне своего прямого влияния, и в частности в Монголии. Между тем в этой части у России богатое прошлое, и особенно в экономике [Советско-монгольские экономические связи..., 2019]. Руководство Российской Федерации прекрасно это осознает. Поэтому не случайно 9 июня 2012 г. Президент России В.В. Путин на совещании послов и постоянных представителей по теме «**Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности**» поставил задачу усиления эффективности «мягкой силы» в национальных интересах России. Сегодня Россия старается вернуть себе былую славу и влияние великой державы на региональном и мировом уровне. И в этой связи значение рассматриваемого сборника документов [Монголия в документах..., 2019] как инструмента «мягкой силы» поистине велико. Следует также подчеркнуть, что у столь солидной академической структуры как Институт востоковедения РАН, появился не менее солидный партнер в лице Центрального архива ФСБ России, что стало гарантом уникальности и фундированности 163 опубликованных документов, ранее имевших гриф «Секретно» или «Совершенно секретно». В сборник, в соответствии с прави-

лами археографической обработки текстов³, вошли специальные сообщения, письма, сводки, обзоры политического, экономического, военного и религиозного состояния Монголии в период 1922–1936 гг.

В сборнике документов наиболее четко выявлены важнейшие направления документальной информации, среди которых особое внимание уделено межгосударственным отношениям между СССР и МНР, изменениям во внутренней и внешней политике МНРП (Монгольской народно-революционной партии) и правительства, борьбе между «правыми» и «левыми» в МНРП, политике руководства по отношению к ламаизму, вооруженным восстаниям, деятельности Китая Японии и США, направленным на подрыв влияния СССР, деятельности полномочных представителей, советников и инструкторов СССР в Монголии.

Конечно же важнейшим направлением в рассматриваемый период были военное строительство и военное сотрудничество, а также политика Коминтерна и РКП(б)/ВКП(б) по отношению к МНРП/МНРП. Но эти аспекты нашли широкое освещение в специальных документальных изданиях, подготовленных усилиями творческого коллектива Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН [*Российско-монгольское военное сотрудничество...*, 2019; *Монголия в документах Коминтерна...*, 2012]. Однако в рассматриваемом сборнике документов мы находим такие акценты, которые в корне меняют наше отношение к Коминтерну и коминтерновцам. Это касается, прежде всего, деятельности уполномоченного Коминтерна в Монголии М.И. Амагаева.

Матвей Иннокентьевич не обделен вниманием отечественной историографии. Ему посвящена монография профессора Н.П. Егунова [Егунов, 1974], а документы о его деятельности в Монголии украшают документальное издание «Монголия в документах Коминтерна» [*Монголия в документах Коминтерна...*, 2012, ч. I, № 59–62, 65, 69, 70, 74, 78–81, 89–91]. Но вот в рассматриваемом издании из информационного сообщения «Современная Красная Монголия» от июня 1928 г. следует, что тотальный контроль над высшими партийными, законодательными и исполнительными органами власти Монголии осуществлял М.И. Амагаев лично, как уполномоченный Коминтерна, одновременно «возглавляя в то же время Высший экономический совет Республики» [*Монголия в документах...*, 2019, № 70]. Тем самым он был наделен фактически диктаторскими полномочиями, и уже этот факт заставляет нас по-другому взглянуть не только на место и роль Коминтерна в истории Монголии первой трети XX в., но и на его уполномоченного М.И. Амагаева.

Из опубликованных в сборнике документов следует, что отношения между РСФСР и МНР в начале 20-х гг. XX в. не были безоблачными. Советское руководство стремилось регламентировать все стороны жизни монгольского общества и осуществлять работу по образу и подобию Советской России. Более того, и Коминтерн, и руководство Советского государства стремились подменить деятельность директивных органов МНР и сосредоточить все рычаги управления в своих руках. Достаточно обратить внимание на информационное сообщение «Современная Красная Монголия» от 1928 г., где прямо сообщалось: «Высший контроль над деятельностью правящей партии (МНРП), Великого и Малого Хурулданов, Совета министров МНР и Полпредства СССР принадлежит особому уполномоченному Коминтерна» [*Монголия в документах...*, 2019, № 70]. Еще откровеннее такое положение вещей иллюстрирует высказывание заведующего орготделом ЦК МНРП Б. Дугаржава: «Возникший в партии раскол ведет свои корни из Советского Союза, стремящегося к колонизации Монголии» [*Монголия в документах...*, 2019, №

³ Составителям сборника документов следовало указать источник, регламентирующий эти правила. Например: Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Главное архивное управление при ЦМ СССР, 1990. 82 с.

89]. Весьма красноречивым является информационное сообщение ИНО НКВД СССР о настроениях начальника ГВО МНР Намсарая, датированное августом 1935 г.: «Судьба независимости МНР будет зависеть от того, насколько СССР, в частности Таиров (полпред СССР), будет трезво оценивать наше руководство и отдельных руководителей» [*Монголия в документах...*, 2019, № 143]. И заслуга составителей сборника как раз в том и заключается, что они не скрывают этих явных перегибов со стороны Советского руководства.

Советский Союз никак не мог и не хотел мириться с тем, что Монголия – это теократическое государство, лидер которого – Богдо-гэгэн VIII – сыграл ключевую роль в создании независимого Монгольского государства, сосредоточив в своих руках всю полноту светской и религиозной власти [*Монголия в документах...*, 2019, № 56, прил.]. Именно в этой связи в сборнике много документов оперативного характера, дающих негативную оценку деятельности монгольских чиновников [№ 143], партийных руководителей [№ 115, 130, 142, 151, 153, 154, 157], руководству армии [№ 146, 147, 150] и спецслужб [№ 59]. Конечно, это можно списать на традиционную отсталость Монголии в сравнении с западной цивилизацией. Но еще больше это обусловлено непониманием сути и ментальности традиционного и к тому же буддийского общества, особенностей кочевой цивилизации, где необходимо было в кратчайшие сроки осуществить «всестороннюю модернизацию и коренное реформирование политических и социально-экономических институтов Монголии». И российские большевики, и Коминтерн, да и сама победоносная революция в России были заточены на «Соединенные Штаты Европы», имели тесные связи с европейской социал-демократией. Российские революционеры первой волны знали европейские языки, долгие годы провели в европейской эмиграции, восхищались достижениями европейской демократии. И вдруг, в одночасье, вектор мировой революции поменял свое направление с запада на восток, где, как оказалось, все другое, непонятное, чужое. И это непонимание выражалось в жестких оценках, скороспелых выводах и абсолютной уверенности в том, что и руководство Монголии, и ее спецслужбы в своей каждодневной деятельности должны следовать «московской линии» [№ 162]. Чего, например, стоит характеристика сотрудника ВЧК–ОГПУ, в последующем начальника Забайкальского губотдела ГПУ Ю.И. Клиндера в отношении монголов, как «ничего не делающих кочевников скотоводов», занимающихся «исключительно скотоводством», а «население Монголии – [это] полудикари-кочевники» [*Монголия в документах...*, 2019, № 10]. Он же рисует социальный портрет монгольского правительства, где, по его мнению, «чрезвычайно трудно найти более или менее приличного человека. Одни из них крупные государственные воры, другие – политические авантюристы» [Там же]. Это давало повод князьям окраин, видеть «в лице Советской России захватчицу, навязывающую им чужие европейские и даже революционные новшества» [Там же]. В свою очередь это порождало негативную реакцию, например, со стороны монгольских студентов, находившихся на обучении в Москве и Ленинграде [*Монголия в документах...*, 2019, № 66].

Еще более нелицеприятные документы ФСБ, представленные в данном сборнике, касаются ламского вопроса [*Монголия в документах...*, 2019, № 68, 77, 83, 95, 104, 112, 113, 116, 119, 123–125, 143 и др.]. Конечно, спецслужбы видели воочию распад и разложение ламства. Оно проявлялось совершенно конкретно: в лицемерии, ханжестве, обмане, подкупе, ростовщичестве, азартных играх, спекуляции, пьянстве, растрате монастырского имущества, взятках и подношениях [*Монголия в документах...*, 2019, № 64, 68, 119]. Но были и более глубокие причины, о которых идет речь в оперативных документах российской резидентуры. Во-первых, это движение лам за реставрацию власти Богдо-гэгэна [*Монголия в документах...*, 2019, № 80, 86], наиболее последовательным выразителем которого стал крупный буддийский религиозный, общественный и политиче-

ский деятель России и Тибета, ученый и дипломат Агван Доржиев [*Монголия в документах...*, 2019, № 82], и как следствие этого движения имеется документ, свидетельствующий «об арестах лам в связи с движением в поддержку Богдо-гэгэна» [*Монголия в документах...*, 2019, № 95]. Во-вторых, ламство и миряне были всерьез озабочены финансовым состоянием дацанов и их будущим [*Монголия в документах...*, 2019, № 110], имея живой пример Бурятии, где все «монастыри занумерованы и со скота и имущества взимаются налоги, вследствие чего религия идет на упадок». Причем, такие процессы начались и в Монголии [*Монголия в документах...*, 2019, № 68, 102]. И, в-третьих, в среде ламства существовала твердая убежденность в том, что «делами существующего государства правят русские» [Там же]. Сюда же следует отнести и проблему тибетской медицины и тибетских лекарей [*Монголия в документах...*, 2019, № 77], которая получила самостоятельное звучание в российской историографии [Башкуев, 2016].

Между тем в связи с ламским вопросом несколько особняком стоят документы «О прениях по ламскому вопросу на V съезде МНРП» и реформации буддизма [*Монголия в документах...*, 2019, № 61, 62, 77]. На съезде с речью выступил ученый секретарь Ученого комитета МНР, российский и монгольский политический и общественный деятель Цыбен Жамцарано с предложением о приеме лам в партию, полагая, что «Программа нашей партии не расходится с религиозным учением, а наоборот, они одинаковы». При этом он мотивировал свое предложение целью партии, которая, как и буддизм, стремится «помочь народной массе». В этой связи он подчеркивает, что «они должны объединиться для общей пользы». Многие делегаты съезда, включая Х. Чойбалсана, встретили это предложение с пониманием. Тем самым налицо возникновение идеологической платформы, имевшей место в российской социал-демократии еще в начале XX в. и известной как богостроительство [Казарян, 2002]. Богостроительство в российской империи возникло после поражения русской революции 1905–1907 гг., когда в общественном сознании появилось устойчивое настроение уныния, неверия, тоски и даже отчаяния. Резко негативное отношение к этому течению высказал В.И. Ленин в письме к А.М. Горькому, как представителю богостроительства [Ленин, т. 47, с. 143]. Представляется естественным подобное выступление именно со стороны Ц. Жамцарано, автора концепции «культурного» панмонголизма [Курас, 2017]. Однако удивление вызывает его противопоставление ламаизма «захватническим религиям Христа и Магомеда». Кроме того, сама идея богостроительства прозвучала лишь через 6 лет после победы монгольской революции, что, скорее всего, было вызвано внутрипартийным кризисом, развившимся в борьбе между «правыми» и «левыми» в МНРП [*Монголия в документах...*, 2019, № 66, 106, 111, 113–115], и особым статусом ламства. Кроме того, следствием этого движения стала неудачная попытка «организации ламской либерально-клерикальной партии» [*Монголия в документах...*, 2019, № 93]. Между тем Ц. Жамцарано выступил противником реставрации ламаизма. На наш взгляд, эти действия выдающегося ученого и просветителя были обусловлены мучительными поисками возможности инкорпорировать ламство в новое монгольское общество, которое, увы, не увенчалось успехом.

Выступление Ц. Жамцарано на съезде привело к возникновению нестандартной ситуации в Ученом комитете МНР, где он пользовался заслуженным авторитетом [*Монголия в документах...*, 2019, № 105]. Такое положение вещей как раз и привело к ламским заговорам [*Монголия в документах...*, 2019, № 83], контрреволюционной пропаганде [*Монголия в документах...*, 2019, № 112, 113], вооруженным восстаниям в поддержку феодалов и ламства [*Монголия в документах...*, 2019, № 110, 112, 120, 128 и др.] и связи с повстанцами Танну-Тувы [*Монголия в документах...*, 2019, № 120].

При этом следует подчеркнуть профессионализм советских спецслужб в оценке оперативной обстановки в Монголии в части шпионажа, деятельности контрреволюционных и белобандитских организаций, состояния секретно-оперативной части ГВО, поло-

жения на монголо-китайской границе [*Монголия в документах...*, 2019, № 6, 14, 41, 51, 79]. Кроме того, в сборнике представлены документы о деятельности внешней разведки, связанные с выявлением планов Китая в отношении Монголии [*Монголия в документах...*, 2019, № 44, 45, 51, 53, 71, 74], политикой США и Японии в Маньчжурии, направленных на подрыв влияния Советского Союза [№ 76], донесений полковника Камацубара [*Монголия в документах...*, 2019, № 129], полковника Сипайло, деятельности атамана Г.М. Семенова и активизации казахских банд на алтайской границе МНР [*Монголия в документах...*, 2019, № 131, 135, 145, 163]. Причем со стороны спецслужб западных стран и Китая все это напоминало настоящую «гибридную войну» в отношении Советской России, появившуюся еще в XIX в. Этот феномен современная политология трактует следующим образом: «Совокупность методов военно-силового, политико-дипломатического, финансово-экономического, информационно-психологического и информационно-технического давления, а также технологий цветных революций, терроризма и экстремизма, мероприятий спецслужб, формирований сил спецназначения, сил специальных операций и структур публичной дипломатии, осуществляемых по единому плану органами управления государства, военно-политического блока или ТНК» [Панарин, 2016, с. 212]. Не случайно начальнику Монголо-Бурятского ГПУ М.Д. Берману, где оперативная обстановка была схожей с Монголией, было вменено в обязанность осуществление закордонной работы в Восточной Монголии [*Монголия в документах...*, 2019, № 25].

Но, пожалуй, наибольший интерес представляют документы, раскрывающие личный фактор, т.е. суть деятельности полномочных представителей, советников и инструкторов СССР в Монголии. В документах прослеживается, прежде всего, профессионализм молодых дипломатов, их сопереживание и сопричастность, понимание сути происходящего. Они обладали прекрасными аналитическими способностями и были способны прогнозировать ситуацию. При этом советские дипломаты неукоснительно проводили линию ВКП(б) и Коминтерна на построение нового монгольского общества. В их числе А.Я. Охтин, В.И. Юдин, А.Н. Васильев, В.Х. Таиров [*Монголия в документах...*, 2019, № 5, 13, 21, 25, 34, 70, 139, 162].

Хочется отметить, что данный сборник является первым такого рода изданием в отечественной историографии по истории Монголии и наверняка заинтересует читателей благодаря уникальности всех, без исключения, документов, предоставленных архивом ФСБ России, прошедших длительную и скрупулезную процедуру рассекречивания. В этом несомненная заслуга сотрудников Института востоковедения РАН (В.В. Грайворонский, М.И. Гольман, С.Л. Кузьмин, К.В. Орлова, Е.В. Бойкова, Р.Т. Сабилов), которые просмотрели 27 папок (около 7300 л.) и отобрали для публикации 163 документа. Не менее важными, чем документальная основа, стали комментарии к документам [*Монголия в документах...*, 2019, с. 400–488] и справочный аппарат – перечень документов, библиография, список сокращений, именной и географический указатели и особенно глоссарий [*Монголия в документах...*, 2019, с. 489–525], что под силу лишь профессиональным археографам. Все это позволяет завершить размышления историографов словами ответственных редакторов уникального сборника документов: «Как свидетельствуют документы, Монголия, добившаяся больших социально-экономических успехов, оказалась в сильной односторонней политической и экономической зависимости от СССР и наряду с СССР понесла многочисленные жертвы при развернувшихся в конце 1930-х гг. массовых политических репрессиях, утратила немалую часть традиционного культурного наследия» [*Монголия в документах...*, 2019, с. 4]. Тем не менее руководители двух стран «наши взаимоприемлемое сочетание коренных национальных интересов, путей преодоления возникших противоречий и препятствий и постарались в дальнейшем исправить допущенные ошибки и просчеты» [*Монголия в документах...*, 2019, с. 5]. Свиде-

тельство тому – изданный сборник архивных документов ФСБ России о Монголии 20–30-х гг. XX в.

Тем самым историческая наука и важнейшие её составляющие источниковедение и археография могут стать важнейшим инструментом стратегии «мягкой силы» Российской Федерации по отношению к Монголии, если в полной мере состоится учет и оценка исторического опыта российско-монгольских отношений на протяжении всего XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Агеева В.Д. *Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации*. Дисс. к. полит. наук. СПб., 2016 [Ageeva V.D. *Role of Instruments of “Soft power” in the Foreign Policy of the Russian Federation in the Context of Globalization*. Diss. of Cand. in Politics. St. Petersburg, 2016 (in Russian)].

Башкуев В.Ю. *Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX – первая половина XX вв.)*. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016 [Bashkuev V.Yu. *Russian Medicine and Mongolian World: Historical Experience of Interaction (Late 19th – 1st Half of the 20th Centuries)*. Irkutsk: Izdatelski dom “Ottisk”, 2016 (in Russian)].

Гасилин Н.А. Понятие и сущность «мягкой силы». *Молодой ученый*. 2019. № 22(60), май. С. 399–401 [Gasilin N.A. The Notion and Essence of “Soft Power”. *Molodoi Uchenyi*. № 22(60), May. 2019. Pp. 399–401 (in Russian)].

Горлова И.В., Бычкова О.И. Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения. *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 18. С. 268–272 [Gorlova I.V., Bychkova O.I. Culture as “Soft Power”: Instruments and Points of Entry. *Theory and Practice of Social Development*. 2015. № 18. Pp. 268–272 (In Russian)].

Егуннов Н.П. *М.И. Амагаев*. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974 [Egunov N.P. *M.I. Amagaev*. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1974 (in Russian)].

Казарян А.Т. Богостроительство. *Православная*. Т. V. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. С. 542–543 [Kazaryan A.T. The God-Building. *Orthodox Encyclopedia*. Vol. 5. Moscow: “Orthodox Encyclopedia”, 2002. Pp. 542–543 (in Russian)].

Курас Л.В. *Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века* / Рук. проекта, отв. ред. Б.В. Базаров, науч. ред. Ц.П. Ванчикова. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017 [Kuras L.V. *Pan-mongolism as Manifestation of the Ethnicity of the Mongolian World in the 1st Quarter of the 20th Century*. Irkutsk: Publishing house “Ottisk”, 2017 (in Russian)].

Ленин В.И. А.М. Горькому. 25 февраля 1908 г. *Полное собрание сочинений*. Т. 47. С. 141–145. [Lenin V.I. To Gorkiy A.M. 25 February, 1908. *Complete Works*. Vol. 47. Pp. 141–145 (in Russian)].

Монголия в документах Коминтерна (1919–1934) / Науч. ред. Б.В. Базаров. Ч. I (1919–1929); ч. II (1930–1934). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012 [Mongolia in the Documents of Comintern (1919–1934). Vol. I (1919–1929); vol. II (1930–1934). Ulan-Ude: BSC SB RAS Publishing house, 2012 (in Russian)].

Монголия в документах. Из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): сборник документов / Науч. ред. В.В. Наумкин; отв. ред. К.В. Орлова, В.В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2019 [Mongolia in Documents. From the Archives of the Federal Security Service of the Russian Federation (1922–1936): Collection of Documents. Scientific editor: V.V. Naumkin; eds.: K.V. Orlova, V.V. Graivoronskiy. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2019 (in Russian)].

Панарин И.Н. *Гибридная война против России (1816–2016 гг.)*. М.: Горячая линия – Телеком, 2016 [Panarin I.N. *Hybrid War against Russia (1816–2016)*. Moscow: Goriachaia liniia – Telekom, 2016 (in Russian)].

Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сборник документов. В 2-х ч. Ч. I–II. М.: Издательский дом «Граница», 2019 [Russian-Mongolian military cooperation (1911–1946): Collection of Documents. In 2 vols. Vol. I–II. Moscow: Izdatelski dom “Granitsa”, 2019 (in Russian)].

Советско-монгольские экономические связи. 1955–1985 гг.: сборник документов / Отв. ред. А.В. Юрасов; отв. сост. Е.Р. Курапова; сост. В.С. Пушкарев, Л. Мэндсайхан. М.: Фонд «Связь

Эпох», 2019 [*Soviet-Mongolian Economic Interaction. 1955–1985: Collection of Documents* / Ed.-in-chief Yurasov A.V. Moscow: Fund “Sviaz’ Epokh”, 2019 (in Russian)].

Соломатин А.Н. *Коммуникативные стратегии формирования международного имиджа России*: автореф. дисс. к.филол.н. М., 2014 [Solomatin A.N. *Communicative Strategies of Formation of International Image of Russia*. Abstract of PhD Thesis (Philology). Moscow, 2014 (in Russian)].

Филимонов Г.Ю. *Роль «мягкой силы» во внешней политике США*: автореф. дисс. д. полит. н. М., 2013 [Filimonov G.Yu. *Role of “Soft Power” in the Foreign Policy of the USA*. Abstract of DSc. Thesis (Politics). Moscow, 2013 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

БАЗАРОВ Борис Ванданович – д.и.н., профессор, академик РАН, директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия.

Boris V. BAZAROV, DSc (History), Professor, Academic of the RAS, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russia.

КУРАС Леонид Владимирович – д.и.н., профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия.

Leonid V. KURAS, DSc (History), Professor, Senior Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russia.